

Трава в тайге

Руфат Мустафин

Трава в тайге

«Автор»
2026

Мустафин Р.

Трава в тайге / Р. Мустафин — «Автор», 2026

Что, если всё, во что вы верите, держится не на вещах, а на самой вере? Автор этой книги решил написать агрегатор аренды лодок — и не поехал на фестиваль, который должен был укрепить его веру в проект. Вера угасла, программа стала бессмысленной, и он увидел механизм, который раньше не замечал: смысл не в вещах и не в действиях, а в вере, которая их освещает. Через личный опыт — шарлотка, уборка, депрессия, сетевые компании с их залами — и через разговор с Экклезиастом, Шопенгауэром, Ницше, Кьеркегором, Камю и Вольтером он выстраивает архитектуру смысла: жизнь, эмоция, ум, вера, идея, диалог. И показывает, как эта архитектура ломается сверху вниз и строится снизу вверх. Это не утешение и не готовая истина. Это инструмент, который помогает понять, почему одно осмысленно, а другое нет, — и где искать веру, когда она уходит.

© Мустафин Р., 2026
© Автор, 2026

Руфат Мустафин
Трава в тайге

Глава 1. Проект

Я решил написать агрегатор аренды лодок. Не потому, что мир в нём нуждался, и не потому, что я провёл исследование и увидел свободную нишу, — а потому, что я верил: это нужно людям. Эта вера была не расчётом, а состоянием: пока она держалась, я писал код по вечерам, строил планы на месяцы вперёд и просыпался с мыслью о том, что делаю что-то осмысленное. Со стороны это выглядело как работа над программой, но по сути это было действие, освещённое верой, — и именно вера, а не код, делала его осмысленным.

В какой-то момент в плане появилась точка, которую я тогда не выделил среди прочих дел. В выходные должен был пройти фестиваль лодок в другом городе — выставка, куда съезжаются люди, которые любят лодки, говорят о них, показывают их друг другу. Мне нужно было поехать из Казани в Самару, провести там два-три дня и просто смотреть: на лодки, на людей, на то, как у них горят глаза. Я тогда думал, что это поездка «за информацией» или «для нетворкинга», но по сути это была ключевая точка во времени — место, где моя вера должна была подкрепиться верой других.

Я решил сэкономить. Деньги и время казались более важными, чем поездка, и я остался писать программу. Это решение выглядело разумным: зачем тратить ресурсы на выставку, если можно работать над продуктом? Но в этой логике я упустил главное — я пропустил не «мероприятие», а точку подкрепления веры. Вера не хранится в человеке сама по себе; она живёт и держится там, где её подтверждают другие, и фестиваль был именно таким местом.

Через некоторое время я заметил, что программа больше не горит в моих руках. Я смотрел на код и видел механику: строки, функции, экраны — всё на месте, но ничто из этого не было освещено. Действие осталось тем же, что и раньше, но из него ушло то, что делало его осмысленным. И тогда я впервые честно спросил себя: изменилась ли программа? Нет, она осталась той же. Изменился я — точнее, ушла вера, которая делала её осмысленной.

Здесь легко попасть в ловушку и сказать: «Раньше программа была нужна, а теперь стала не нужна». Но это подмена. Она не была нужна и тогда — нужность не была её свойством; была только вера, которая освещала её. И сейчас она не стала «не нужна» — просто ушла вера, а вместе с ней ушёл свет. Вещь осталась той же, и это самое важное: смысл не принадлежал вещи ни до, ни после.

Из этого я вывел первое, что стало основой всей дальнейшей мысли: смысл не в вещи и не в действии. Смысл — в вере. А вера, как я увидел на собственном опыте, не держится в одиночку: она живёт там, где её подкрепляют другие. Я пропустил ключевую точку — и увидел механизм, который раньше не замечал, потому что он работал незаметно.

Глава 2. Трава в тайге

Вечером мы сидели на кухне и пили чай. На столе стояла шарлотка — та самая, которую я просил уже давно и которую жена наконец испекла. Яблоки, корица, тонкая корочка сверху, запах, который заполняет всю кухню и делается частью разговора, даже если разговор совсем о другом. Мы говорили о чём-то обыденном, и я смотрел на эту шарлотку и вдруг подумал: а ведь я могу представить себе нечто совершенно нелепое — поездку за сотни километров, вертолёт, глухую тайгу, где на много километров вокруг никого нет, и косу в руках. Я представил, как трачу все деньги, чтобы добраться туда, и кошу там траву. Просто кошу траву, которую никто не увидит и которая никому не нужна. И возвращаюсь обратно. И вот я сижу за столом, смотрю на шарлотку и спрашиваю себя: а чем, собственно, эта шарлотка отличается от той травы в тайге?

Я спросил об этом жену. Сказал прямо: «Вот твоя шарлотка и моя трава в тайге — это одно и то же или нет?» Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который говорит очевидную глупость, и сказала: «Нет, конечно. Шарлотку ты любишь и просил её давно, поэтому я её и испекла». В её ответе всё было правильно с точки зрения здравого смысла: есть спрос, есть просьба, есть результат — вот тебе и смысл, вот тебе и польза. Пирог испечён для того, чтобы его съели, и в этом его оправдание.

И тогда я сказал ей то, что до этого не говорил вслух: «Это одно и то же». Я сказал, что со стороны это ровно та же механика — мука, тепло, время, — и что никакой «пользы» в самом пироге нет. Пирог съедят, и он исчезнет; полы запачкаются снова; трава вырастет обратно. Если мерить результатом, то и шарлотка, и трава в тайге дают один и тот же ноль. Разница не в действии и не в результате — разница в том, что ты веришь, что эта шарлотка нужна мужу, который её просил. Ты веришь в это — и пока веришь, пирог осмыслен. Не пирог делает его осмысленным, а твоя вера.

Потом я спросил её: «А что, если ты потеряешь эту веру?» Она не ответила сразу, и я продолжил: «А что, если я скажу тебе, что на самом деле не люблю шарлотку и всё это время просил её просто чтобы тебя взбодрить?» Я представил это вслух — и в этот момент шарлотка на столе перестала быть шарлоткой. Она стала тем же, чем была трава в тайге: мукой, яблоками, теплом, действием без смысла. Ничего не изменилось в пироге — он остался тем же, — но изменилось то, что его освещало. Ушла вера — и пирог погас.

Я не говорил, что это правда. Я говорил «а что, если» — и этого оказалось достаточно, чтобы увидеть механизм. Шарлотка держится не на яблоках и не на просьбе, а на вере жены в то, что она нужна. И трава в тайге держалась бы точно так же — на вере того, кто её косит. Одно и то же действие, одна и та же механика, и разница только в том, есть ли вера, которая его освещает. Я посмотрел на жену, на её лицо, на шарлотку — и понял, что вопрос поставлен верно. Ответа у меня ещё не было, но вопрос был точный.

Глава 3. Человек, который продолжает действовать

Есть состояние, в котором человек продолжает делать всё то же самое, что делал раньше, но за этими действиями больше ничего не стоит. Он встаёт утром, готовит еду, убирает, выходит на работу, отвечает на сообщения — словом, выполняет привычный набор действий, — но ни одно из них не освещено. Со стороны это выглядит почти нормально: тот же распорядок, те же движения, та же механика. Если наблюдать за таким человеком извне, можно не заметить разницы — и в этом главная трудность, потому что перемена происходит не в действиях, а в том, что их раньше наполняло.

Раньше каждое из этих действий было освещено верой. Человек верил, что то, что он делает, нужно: что ужин нужен семье, что работа нужна ему самому, что чистота в доме имеет значение, что завтра будет лучше, чем вчера. Эта вера не была рассуждением — она была состоянием, которое делало действие осмысленным. Пока она держалась, даже скучная и тяжёлая работа была наполнена; действие шло из веры, а не из механического повторения.

Когда вера уходит, действия остаются. Человек по-прежнему готовит и убирает, но теперь он делает это как механизм: без ожидания, без отклика, без того, чтобы результат что-то значил. Пирог печётся и съедается, полы моются и снова пачкаются, работа выполняется и не приносит ничего. Со стороны — та же жизнь; изнутри — пустота, потому что исчезло не действие, а то, что делало его осмысленным. И самое важное: это не видно. Мир не подаёт сигнала, что что-то рухнуло; снаружи всё на месте.

Именно поэтому такое состояние так трудно распознать и так легко принять за что-то другое. Человек не перестаёт действовать — он перестаёт верить, что действие имеет смысл. Он не лежит и не отказывается от жизни; он продолжает её механически, потому что привычка сильнее веры. И если смотреть только на действия, можно решить, что всё в порядке. Но если спросить, во что он верит, — окажется, что ни во что, и это и есть настоящая перемена.

Отсюда следует важный вывод: то, что называют потерей смысла, — это не потеря способности действовать. Это потеря веры, которая делала действие осмысленным. Действие можно восстановить механически, усилием, привычкой, — а веру так не восстановить. И если это так, то вопрос о таком состоянии — это не вопрос о действии, а вопрос о вере: что происходит с человеком, когда вера уходит, и что может её вернуть. Ответа у меня пока нет, но вопрос поставлен точно.

Глава 4. Деньги, еда и проверка веры

Есть простой способ проверить, принадлежит ли ценность самой вещи или чему-то другому. Нужно посмотреть, сохраняет ли вещь свою ценность при смене состояния человека. Если сохраняет — значит, ценность в ней. Если теряет — значит, ценность была не в вещи, а в том состоянии, которое её освещало. Этот способ кажется почти наивным, но он работает безотказно, и на нём держится всё дальнейшее.

Возьмём деньги. Если бы ценность была свойством самих купюр, они бы равно радовали всех — и того, у кого их нет, и того, у кого их много. Но мы видим обратное. У человека, у которого денег нет, они вызывают надежду, азарт, ожидание перемен: он верит, что они изменят его жизнь, и эта вера делает их ценными. А у человека, у которого деньги есть, они часто не приносят ничего: известны случаи, когда богатые люди впадают в депрессию, теряют интерес к жизни — при том что купюры у них те же самые. Вещь не изменилась, а ценность исчезла. Значит, она никогда не была свойством вещи.

Возьмём еду. Если бы ценность была свойством самой еды, она бы оставалась ценной всегда — и для голодного, и для сытого. Но голодный ест с наслаждением, а сытый смотрит на ту же еду равнодушно, а то и с отвращением. Вкус не изменился, продукт тот же, а радость ушла. И это не потому, что еда испортилась, — она осталась ровно такой же, какой была минуту назад. Изменилось состояние человека, а вместе с ним ушла ценность. Опять вещь та же — ценность другая.

В обоих случаях работает один и тот же механизм. Пока человек верит, что вещь ему нужна, — она ценна. Как только вера уходит или удовлетворяется, вещь остаётся, а ценность исчезает. И это касается не только денег и еды. Это касается всего: лодок, программ, пирогов, уборки, травы в тайге. Везде ценность держится не на вещи, а на вере того, кто смотрит на вещь. Уберите веру — и вещь не изменится, но погаснет.

И вот здесь становится видно, что такое потеря веры. Это не потеря вещи и не потеря возможности действовать. Это момент, когда вещь остаётся той же, а свет, который её освещал, гаснет. Человек смотрит на то же, на что смотрел вчера, — и не находит в этом ничего. Не потому, что он ошибается, а потому, что он видит вещь как она есть: без веры. И это самое трудное: нельзя вернуть свет, просто вернув вещь, потому что вещь и не уходила. Ушла вера.

Отсюда следует вывод, который сначала кажется странным, а потом становится очевидным: потеря веры — это не потеря смысла. Смысла не было и раньше, в вещи. Была вера, которая его создавала. Потеря веры — это потеря способности создавать смысл, а не потеря чего-то, что уже было. И если это так, то вопрос о возвращении смысла — это вопрос о возвращении веры, а не о возвращении вещей. Вещи на месте. Не хватает только того, что их освещало.

То, к чему я пришёл, не было новой мыслью. Я не открыл Америку и не претендую на то, что первым увидел пустоту за вещами. Об этом думали многие — и думали задолго до меня, с той серьёзностью, которую я тогда не мог им противопоставить. Мысль о том, что мир сам по себе не несёт смысла, что всё под солнцем повторяется и не имеет окончательной цели, — одна из самых старых мыслей в истории. Великие умы подходили к ней с разных сторон: одни с горечью, другие с яростью, третьи с холодным спокойствием. И каждый из них что-то увидел, но каждый остановился в своей точке.

Мне важно пройти по этим точкам не для того, чтобы показать эрудицию, а для того, чтобы честно увидеть: где именно они остановились и чего не хватило. Потому что если я хочу

сказать что-то своё, я должен сначала показать, что было сказано до меня, — иначе я буду повторять чужое, думая, что говорю новое. И ещё: в их остановках видно, куда идти дальше. Они прошли первую половину пути — увидели бессмысленность, — но почти никто не прошёл вторую: не объяснил, как смысл всё-таки держится и как он гаснет.

Поэтому дальше — не учебник философии и не дань уважения. Это разговор с теми, кто стоял в том же тупике, что и я, но выбрал из него разные выходы. Одни обратились к вере, другие — к труду, третьи — к бунту. Я пройду по их выходам и покажу, почему ни один из них не стал моим, — и что я взял у каждого. Так станет видно, откуда берётся мой ответ: он не с неба упал, он вырос из их тупика.

Глава 5. Экклезиаст: суета и выход, которого он не объяснил

Самая древняя из этих точек — Экклезиаст. Его слова знакомы даже тем, кто не открывал Библию: «суета сует, всё суета». Это не поза и не уныние ради уныния, а трезвое наблюдение. Он смотрит на мир и видит, что всё повторяется: восходит солнце и заходит, реки текут в море и снова возвращаются, поколения приходят и уходят, а земля остаётся. И человек в этом круге делает то же самое — строит, собирает, трудится, — но результат не остаётся с ним. Всё, что нажито, переходит к другому, и никто не знает, будет ли тот мудр или глуп. В этом смысле его наблюдение совпадает с моим первым выводом: вещи и действия сами по себе не несут окончательного смысла, и труд не оправдывается результатом.

Но Экклезиаст не останавливается на этом. Он не говорит «раз всё суета, то ничего не делайте». Он говорит другое: ешь с радостью хлеб свой, пей с весельем вино своё, и делай своё дело, пока можешь, — потому что это твой удел. То есть он не отменяет действие, а снимает с него требование окончательного результата. Действие остаётся, но его смысл переносится в другое место — не в результат, а в самого человека и в его отношение к тому, что он делает. И в конце книги он делает шаг, который для меня важен: он говорит о страхе Божьем и о соблюдении заповедей — то есть переносит смысл в веру. Он видит пустоту вещей и указывает на то, что стоит над вещами.

Здесь я с ним совпадаю, и здесь же вижу, где он остановился. Он сказал, что смысл — в вере, но не объяснил, откуда эта вера берётся и как она держится в человеке. Он указал на источник, но не описал механизм. Он не сказал, что вера живёт полем других, что она подкрепляется блеском глаз, что её можно потерять, пропустив ключевую точку. Он дал направление, но не дал технологии. И это не упрёк — он писал не трактат о вере, а наблюдение о суете. Но для меня важно: он стоит в том же тупике и делает первый шаг к выходу, который я хочу пройти до конца.

Так что Экклезиаст — не противник и не учитель, а попутчик на первой половине пути. Он подтверждает: вещи пусты, действие не оправдывается результатом, смысл приходит откуда-то извне вещей. Но он не отвечает на мой вопрос — как эта вера держится и как она гаснет. И именно поэтому я иду дальше: не потому, что он ошибся, а потому, что он остановился там, где мне нужно идти.

Глава 6. Шопенгауэр: приговор вместо выхода

Шопенгауэр идёт дальше Экклезиаста в жёсткости, но в другом направлении. Он не просто говорит, что всё суета, — он строит систему, в которой бессмысленность становится приговором. В основе мира, по его мысли, лежит воля — слепое, бесконечное стремление, которое никогда не насыщается. Человек хочет, добивается, получает — и тут же начинает хотеть снова, потому что удовлетворение не оставляет ничего, кроме новой пустоты. Жизнь, говорит он, качается между страданием от неудовлетворённого желания и скукой от удовлетворённого. Счастье — не состояние, а лишь краткая пауза между двумя формами неудобства.

Это сильнее, чем у Экклезиаста, потому что здесь бессмысленность не наблюдение, а механизм. Шопенгауэр показывает, почему вещи не могут дать смысла: они не способны насытить волю, которая их требует. Деньги не насыщают, потому что за ними стоит страх бедности;

еда не насыщает, потому что за ней стоит новый голод; слава не насыщает, потому что за ней стоит страх забвения. И в этом он подтверждает то, к чему я пришёл через деньги и еду: ценность не в вещи, потому что вещь не может закрыть то, что её требует.

Но его вывод — противоположный моему. Он не говорит «тогда укрепи веру». Он говорит: раз воля не насыщается, надо её гасить. Его решение — аскеза, отказ от желаний, уход от мира, попытка разорвать круг хотения, чтобы не страдать от его бесконечности. Это не вера, а её противоположность: не наполнение действия смыслом, а отсечение действия вместе с желанием. Он видит ту же пустоту, но реагирует на неё не как на загадку, а как на болезнь, которую надо не лечить, а прекратить.

Здесь я с ним расхожусь, и расхожусь принципиально. Он прав в диагностике: вещи не дают смысла. Но его лекарство — уход — оставляет человека с пустотой, из которой он не может выйти, потому что отказ от желания не создаёт веры, а только убирает то, что её требовало. Он не отвечает на мой вопрос, как вера держится, — он отвечает на другой вопрос, как перестать хотеть. И это честный ответ, но не мой. Я не хочу гасить веру; я хочу понять, как она живёт и как её удержать.

Так что Шопенгауэр — не попутчик, а оппонент по выводу, но союзник по диагнозу. Он подтверждает: вещь не насыщает, ценность не в ней. И он же показывает, куда ведёт один из выходов из тупика — в отказ. Я пойду другим путём, но его честность важна: он не притворяется, что вещи дают смысл, и не обещает счастья. Он просто говорит, что круг хотения не разорвать изнутри. И с этим я согласен — не разорвать. Но можно войти в него с другой стороны, через веру, а не через отказ.

Глава 7. Ницше: смерть веры и обесценивание ценностей

Ницше — самый точный предшественник того, что я увидел на собственном опыте. Он не просто говорил, что мир бессмыслен, — он описал, как именно смысл рушится. Его знаменитое «Бог умер» — не радостная новость и не атеистический лозунг, а диагноз. Он говорит: вера, на которой держались европейские ценности, ушла, а вместе с ней эти ценности обесценились. Мораль, истина, добро, долг — всё это держалось на вере в основание, которое исчезло. И когда основание убрали, вершина не устояла.

Это ровно мой механизм, только описанный в масштабе культуры. Я увидел то же самое в малом: пока я верил, что программа нужна, она была осмысленной; вера ушла — и программа обесценилась, хотя код остался тем же. Ницше говорит: так происходит не с отдельным человеком, а с целой цивилизацией. Ценности не имеют собственного веса; они держатся верой. Уберите веру — и они не падают постепенно, а обрушиваются сразу, потому что держались не на себе.

Но здесь мы расходимся. Ницше не говорит «укрепите веру». Он говорит: раз старые ценности рухнули, надо создать новые — переоценить всё, стать тем, кто сам творит смыслы, не оглядываясь на небо. Его ответ — не вера, а воля: человек должен сам, из себя, породить ценности, которые заменят рухнувшие. Это героический ответ, и в нём есть величие. Но он не отвечает на мой вопрос: если ценности держатся верой, то откуда возьмётся вера в новые ценности? Создать ценность — это одно, а верить в неё — другое. Ницше требует творчества, но не объясняет, как сотворённое удержится в человеке, если вера не подкрепляется.

И ещё одно: Ницше увидел, что вера ушла, но не увидел, что она уходит не только у цивилизации, а у каждого отдельного человека, когда он пропускает ключевую точку. Он описал смерть веры как культурное событие, а я увидел её как событие личное — как то, что происходит со мной, когда я не поехал в Самару. Это не упрёк; он смотрел на культуру, я смотрю на отдельную жизнь. Но именно поэтому мой ответ отличается: не «создай новые ценности», а «удержи веру, которую ты уже имеешь, и подкрепляй её там, где она живёт».

Так что Ницше — союзник по диагнозу и оппонент по рецепту. Он подтверждает: ценности держатся верой и рушатся вместе с ней. Но его выход — воля к творению — оставляет без

ответа вопрос, как эта вера держится. Я иду дальше: не создавать новые ценности, а понять, как вера живёт и как её не потерять.

Глава 8. Кьеркегор и Шестов: вера как прыжок, которого не удержать

Кьеркегор и Шестов стоят особняком среди тех, кого я прошёл. Экклезиаст указал на веру, но не объяснил её. Шопенгауэр отверг её. Ницше потребовал создать новое. А эти двое сделали то, что ближе всего к моему выводу: они сказали, что вера — не вывод разума, а прыжок, акт, который нельзя обосновать извне. Кьеркегор называл это движением веры, Шестов — бунтом против необходимости, против власти разума и морали, которые требуют от человека покорности . Для обоих символом веры был Авраам, который пошёл на то, что с точки зрения «общего», разумного и морального, выглядит безумием .

Здесь я с ними согласен: вера не выводится из вещей и не доказывается нужностью. Она приходит как акт, как прыжок, как то, что не имеет основания в предмете. Кьеркегор прямо говорит, что вера — это не состояние, которым можно спокойно обладать, а борьба и одновременно дар; она живёт в парадоксе и не может быть просто «приобретена» раз и навсегда . Шестов идёт дальше: он отказывается принимать, что вера подчиняется законам разума, и требует для неё абсолютной свободы — той, которая была у человека до грехопадения, до того как он вкусил от древа познания . Это сильный ход: они оба вырывают веру из-под власти рассудка и оставляют её как нечто, что нельзя ни объяснить, ни предсказать.

Но здесь я вижу, где они останавливаются. Они описали веру как прыжок — но не описали, что происходит после прыжка. Кьеркегор говорит о вере как о борьбе, которая длится, но не говорит, где человек берёт силы для этой борьбы, когда остаётся один. Шестов идёт ещё дальше в одиночестве: у него вера — это почти невозможный акт, который Бог даёт лишь немногим, и сам Кьеркегор, по его мнению, не получил её, потому что не смог до конца отречься от разума . То есть вера у Шестова — это то, что приходит извне, но не имеет никакой инфраструктуры на земле: ни поля, ни других людей, ни ключевых точек, где она могла бы подкрепиться. Она или есть — как чудо, — или её нет.

И вот здесь мой опыт расходится с ними. Я не отрицаю, что вера — прыжок и что она не выводится из разума. Но я видел, как она гаснет, когда пропускаешь точку подкрепления. Я видел, что она не просто «есть или нет» — она держится или рушится в зависимости от того, есть ли рядом другие, у кого она горит. Кьеркегор и Шестов описали веру как личный, трагический, почти невозможный акт — и в этом они правы. Но они не описали то, что для меня стало очевидным: вера не хранится в человеке как чудо; она живёт в поле, и без поля она угасает. Их вера — это прыжок в пустоту, который должен каждый раз совершаться заново. Моя вера — это прыжок, который можно поддержать, если знать, где стоят другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.